

Елена Войтенко

Елена Войтенко родилась в 1988 в Белогорске. Окончила филологический факультет АмГУ по специальности «журналистика». Автор двух стихотворных сборников: «И роль у каждого своя» (2005) и «Час до полночи» (2007). Также пишет тексты для нескольких рок-групп Приамурья. Так, в 2011 на московском лейбле MALS (к слову, это единственный российский лейбл, строго ориен-

тированный на выпуск альбомов групп, создающих музыку в сложном жанре — прогрессивный рок) вышел альбом тындинской группы Azazello, где можно найти песню на стихи Елены Войтенко. В 2013 группа Azazello выпустила англоязычный альбом — стихи Войтенко для него перевёл израильский журналист Дмитрий Эпштейн. В будущем группа планирует выпустить пластинку и на русском языке.

Член Союза писателей России с 2010 г. Живёт в Благовещенске, работает журналистом.

ПОРТРЕТ ВДОВЫ

Смотрит пустыми глазами.

И чёрный провал лица

кутают руки

её.

Слова

застревают в горле,

а в целом, звуки

любые

тут были бы лишними.

Лампады горчат,

источают

удушливый

вишнёвый

свет.

Мигают в ответ

на извечную бабью мантру:

«На кого же ты нас?!»

Но Бог не упас...

Напротив,

ровнехонько в Спас

прибрал. Он угас.

Так быстро.

Природа мудра —

её чрево полно червей.

Природа мудра.

И никто из нас
не мудрей.
Её провести на мякине
совсем нельзя.
Моргнуть не успеешь —
и руки в инее,
и глаза...

ВОСПОМИНАНИЯ ПЕРВОЙ ВСТРЕЧИ

Светлой памяти Владимира Кулака

Ты для меня такой же, десятилетний:
Мамины губы, серьёзный пытливый взгляд.
Маленький Будда, явившийся ниоткуда
И переделавший мир на особый лад.

...время слезает с кожи загаром летним.
Первую встречу, конечно, не повторишь.
То, как ты улыбаешься, говоришь —
Я буду помнить...

Но ты для меня такой же, десятилетний,
Слишком серьёзный и слишком живой малыш.

Мы словно в коробе,
Друг другу вороги.
Око за око: семья.
Голь горемычная,
К боли привычные,
Каждый — да сам за себя.

Кровью подписана
Вольная. Близкими
Быть перестали давно.
Друг другу — лишние,
Ненависть выкашлять,
Видимо, нам не дано.

Мы словно в коробе —
Друг другу вороги.
Но не обманешь чутьё:
Боже, кого же
По памяти выкормит
Гиблое чрево моё...

ЗАРИСОВКА В РАССВЕТНЫХ ТОНАХ

*Посвящается моему отцу,
самому интересному собеседнику*

Мне снится стал один и тот же сон:
Мы у костра сидим, и наши тени
Пьют лунный свет.
Но пышный цвет сирени
Бледнеет,
С горизонтом в унисон.
Ночь тает...
В ласке утренней зари
Мы обо всем на свете говорим...

МОИМ СТИХАМ, СОСТОЯЩИМ ИЗ СЛОВ

Вот. С губ. Само. Сорвалось. Слово.
И. Покатилось. По. Камням.
Я и на ощупь пячусь снова,
И вновь присматриваюсь к дням.

Кто из великих (и скромнее!)
Вот эти самые слова
Умел сплести раз в сто хитрее,
Всю душу ими разорвать!

А вы, мои простосплетенья,
В заплатках нужных падежей...
Достойны ли произнесенья?
Достойны чьих-либо ушей?

Но. С губ. Само. Сорвалось. Слово.
Прожгло. Измучило. Спасло...
Одно. Единственное. Слово.
Мне жажду к жизни принесло.

Сохрани меня, Господь, от слова злого.
Дай мне силы кроткой быть и смиренной.
Сердце немо... Не моё словно!
Мнится — будто и душа стала тленной.

На мои вопросы — есть ли ответы?
Жизнь, быть может, и почудилась вовсе...

Стерегут в пути чужие наветы,
Каждый грешник норовит камень бросить.

ИЗ ЦИКЛА «ТРЕХСТИШИЯ»

Разломлю я на две половины последнее, горькое
Яблоко. Всё, что есть у меня, — для тебя только.
Всё без остатка.

Мне вчера о тебе рассказало, смеясь и играя,
Клочковатое пенное облако — о тебе лишь мечтает,
сказало оно по секрету.

Открывая глаза ли, делая вдох ли —
Каждый миг своей жизни
Любуюсь твоими плечами...

Тихо-тихо, неслышно ступая по полу холодному,
Ускользну... Не хочу, чтобы кто-то узнал,
что уже не живу я.

ПОСЛЕ ДОЛГОГО МОЛЧАНИЯ

Откашлять слова. Продышаться, ещё не веря
Тому, что вот-вот, чуть-чуть — и родится слог.
В себя заглянуть и найти там другого зверя —
Иного, совсем не того, что рычать не мог.

Ослабившись жарко и только почуяв волю,
Почувствовав, как перед словом стихает страх,
Стихами завывать. И такой разразиться болью!
Но так, чтобы смерть красна, чтобы смерть быстра...

Но так, чтоб успеть дожить с предпоследней рифмой.
Чтоб спеть — разорвав силки, надорвав нутро.
А после — кружите, стервятники, клюйте, грифы...
Но где он — охотник? И мой именной патрон?

БЛИЗОСТЬ

Эта вечная ложь
во спасение наших душ.
Мы вдвоём по мосту пройдем
и замкнется круг.

И затихнет слог,
прозвеневших во мраке строк.
И наступит сушь.
И исчезнет в коленях дрожь.

Отрекись от столиц всего мира,
высоких лиц.
Позабудь
про обманный пламень чужих костров.

И зачем нам сдаваться в плен
если нет границ?
Теперь я твоя плоть.
Ты — основа моих основ.

Ресторанная муть расплзлась по углам до рассвета...
Ногу в этом вертепе сам дьявол сломал бы — не чёрт!
И в каком-то салате опять позабыли Поэта,
Его дама уехала с тем, кто оплачивал счёт...

Та прекрасная дама — всё ради неё и во имя,
Вся поэтова хворая, всем негодная жизнь!
«Ядом глаз твоих адовых, горькая, ты напои меня!» —
Вновь сказал бы поэт, только рядом она окажись!

Как ничтожны слова — и о вечной душе, и о Боге!
Их бесплодные зёрна попадали в почву речей.
Ведь в то самое время Она уж была за порогом —
Уходила с другим, а себя почитала ничьей...

Огорошенных водкой гостей дорогих развлекал Он:
«Хорошо бы за рифмы нас всех произвести в короли!»
И один остроумец хихикал, тостуя бокалом:
«Не поэтому ли все поэты немного нули?»

... Ресторанная муть расплзлась по углам до рассвета...
Ногу в этом вертепе сам дьявол сломал бы — не чёрт!

И в каком-то салате опять позабыли Поэта,
Его дама уехала с тем, кто оплачивал счёт...

Одна. Одна...
Нащупываю голос.
В глубинах горла сухо моего.
Не легче и, пожалуй, оттого,
что получила то,
за что боролась.

Она. Она...
Пришла издалека.
Из прошлого — теперь уже немного.
И нам с тобой осталось так немного.
Я примеряю:
ноша нелегка...

Ни ты. Ни я...
Не знали наперёд,
чем может эта встреча обернуться.
Итог один. Итог всегда один —
ищу я голос.
И боюсь проснуться...